

Следственное дело № 12690 по обвинению в антисоветской агитации артистов Театра имени Ермоловой Баумштейна (Бахтарова) Георгия Юльевича и Бонфельда (Кравинского) Евгения Анатольевича. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения говорится: «Баумштейн Г.Ю. достаточно изблещается в том, что он, являясь антисоветски настроенным, систематически ведет среди окружающих его лиц злостную контрреволюционную, троцкистскую агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства, и распространяет провокационные слухи. Мерой пресечения избрать содержание под стражей».

Что касается Бонфельда, то, кроме контрреволюционной агитации, ему предъявили еще более серьезное обвинение: «В среде своих сослуживцев высказывал явно террористические настроения в отношении вождей и руководителей партии и соввласти».

На первом же допросе Баумштейн признал, что в разговорах с сослуживцами восторгался Муссолини и Гитлером, говорил, что они талантливые руководители, выдающиеся личности и сильные люди.

— А с кем вы об этом говорили? — спросил следователь.

— Разговор на эту тему помню, а вот с кем именно, забыл... попытался уйти от прямого ответа Баумштейн.

— Следствие располагает данными, что вы беседовали об этом с артистами вашего театра Николаем Лосевым и Верой Леоненко. Подтверждаете это?

— Да, — сник Баумштейн.

— А какие контрреволюционные разговоры вы вели с Бонфельдом и Грудневым?

— Никаких... Хотя, припомню, что однажды в их присутствии Троцкого называли самой популярной личностью. Разумеется, наряду с Лениным.

— Может быть, вы припомните и то, что восхваляли Каменева и Зиновьева, утверждая, что они не имеют никакого отношения к убийству Кирова?

— Нет, про Каменева и Зиновьева я ничего такого не говорил.

— Говорили, говорили... Нам это известно. А что вы заявили в связи с освобождением и приездом в СССР болгарских коммунистов Димитрова, Попова и Таиса?

— Я заявил... Я сказал, что Германия с этим делом пропала. У нас их за такие дела, как поджог рейхстага, не то чтобы не выпустили, а давно расстреляли бы.

Потом следователь допрашивал Бонфельда. Он признался в том, что восторгается идеями германского фашизма и с пониманием относится к аресту вожда немецких коммунистов Эрнста Тельмана.

Федеральная служба безопасности продолжает раскрывать архивы КГБ, из которых неизменно веет холодом тюремных подвалов.

— Он враг немецких фашистов. А враг есть враг, если он не сдастся, его уничтожают — по крайней мере, так поступают в Советском Союзе. Так что фашисты поступили с Тельманом очень мягко, у нас бы его расстреляли.

Потом были допросы свидетелей, которые все подтвердили. Запросил следователь и характеристики. Руководство театра ничего хорошего об арестованных артистах сказать не могло. Вскоре дело было передано на рассмотрение Особого совещания, которое вынесло беспрецедентно мягкий по тем временам — 1936 год — приговор: три года ссылки в одну из областей Казахстана.

Следующий, 1937-й, для начальника 6-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Московской области лейтенанта Шупейко прошел бесплодно — ни одного расстрела, ни одного группового дела.

Но в архиве он обнаружил дело артистов. Показания Бонфельда и осужденных в то же время артистов Войдато и Дрожинина его не заинтересовали: ни одного нового имени не назвали. Иное дело — Баумштейн. В его показаниях упоминались Лосев, Груднев и Вера Леоненко. Шупейко запросил анкету Лосева. Обнаружилось, что он был сыном крупного фабриканта и домовладельца, выпускником коммерческой академии и Московского университета, поручиком царской армии, несколько лет провел в германском плену, мог бы служить в Красной Армии, но, сославшись на нездоровье, отказался. Появилось дело № 6330 по обвинению Лосева Николая Константиновича. В справке на арест лейтенанта Шупейко написано, что в Театре имени Ермоловой вскрыта и ликвидируется контрреволюционная фашистско-террористическая группа, одним из активных участников которой является Николай Лосев. Арестовали Лосева 30 апреля 1938 года. В тот же день — первый допрос, на котором Николай Константинович виновным себя ни в чем не признавал и заявил, что никакой фашистско-террористической группы в театре нет.

Второй допрос состоялся 8 мая. Подпись допрашиваемого под протоколом сделана явно дрожащей рукой.

— Я признаю, что с первых же дней утверждения советской власти чрезвычайно враждебно относился к политике партии и правительства, а также к руководству ВКП(б) и государства. Это сблизило меня с группой контрреволюционных элементов из числа артистов театра. Признаю, что о руководителях партии и правительства отзывался озлобленно, с ненавистью и применением оскорбительных выражений. Я выражал надежды на реставрацию в СССР капиталистических порядков и восхвалял фашистского вождя Гитлера.

— С кем вы вели такого рода беседы?

— С одним из самых активных участников нашей группы Унковским и его женой Урусовой.

— Что вы еще можете сказать об Урусовой? — Евдокия Урусова, безусловно, является врагом политики советской власти и коммунистической партии, врагом советского народа. Она всегда принимала участие в наших контрреволюционных беседах и полностью их одобряла.

В течение нескольких дней Шупейко арестовал артистов Унковского, Макшеева, Эверта, Демич-Демидовича, Чернышева, Радунскую и Урусову.

Борис Эверт признался, что Николай Чернышев в своей ненависти к советской власти дошел до такой степени, что «выражал одобрение тем террористическим актам, которые организовывались и осуществлялись троцкистами, зинovieвцами и изменниками других названий».

Артист Михаил Унковский (30-е годы)

лина, Кагановича, Ворошилова и Ежова.

— Кто именно делал эти заявления?

— Унковский и Демич-Демидович.

— Вы забыли сказать, что готовность к убийству руководителей партии и правительства выражали и вы сами.

Унковский — внук известного всей России адмирала, командира восточного Гончаровым фрегата «Паллада». Показания арестованных коллег-актеров и тех, кто проходил в качестве свидетеля, изобличили его в том, что «советскую власть он не любит, роли советских героев играть отказывается. Гитлером восхищается, пьет, боготворит, на квартире устраивает оргии, молодых актрис склоняет к сожительству, а свою жену использует для продвижения». Двоюродный брат Унковского, работавший в театре, также негативно отзывался о Михаиле Семеновиче. После этого Унковский заговорил.

— Я понял, что благодаря показаниям моих сослуживцев следствие располагает достаточным количеством изобличающих меня улик, поэтому решил быть предельно искренним. Да, я признаю, что враждебно относился к советскому строю — ведь из-за Октябрьской революции наша семья лишилась поместья и конного завода. Да, я стал сторонником фашистской идеологии, так как именно с фашизмом связывал падение советской власти. Да, я одобрял террор, диверсии, вредительство и шпионаж, направленные против Советского Союза и его руководителей, хотя сам никаких террористических актов совершать не собирался.

— Назовите лиц, которые разделяли ваши контрреволюционные взгляды, — потребовал следователь.

— Чернышев, Лосев и Эверт, — назвал Унковский и после паузы добавил: — Считаю необходимым указать, что Лосев и Чернышев в своих контрреволюционных и фашистских взглядах идут значительно дальше меня. И тот, и другой являются вполне законченными контрреволюционерами.

Вскоре следственные дела Лосева, Макшеева, Унковского, Демич-Демидовича, Чернышева, Эверта, а несколько позже и Урусовой были завершены и направлены на рассмотрение Особого совещания. Материалы на Урусову к тому же затребовала еще более грозная «тройка».

Только с Верой Радунской произошла ошибка. Ее арестовали по подозрению в шпионаже «в пользу одного иностранного государства». Но обнаружилось, что Радунская не шпионка, а подруга нескольких иностранных дипломатов.

Из списка близких друзей были извлечены атташе японского посольства Коно, сотрудник американского посольства Севедж и немец Бируляйт. Но Радунская в передаче им шпионской информации не признавалась. Ее продолжали допрашивать:

— Кого вы знаете из германского посольства?

— Никого.

— Вы лжете! Следствию известно, что вы были связаны с дикпурьером германского министерства иностранных дел полковником Лирау. Подтверждаете это?

— Категорически отрицаю.

— А откуда вам известны сотрудники германского посольства Штерц и Маргнер?

— Я их не знаю.

Особое совещание решило осудить ее как «социально опасный элемент» и приговорили к пяти годам исправительно-трудовых работ. Что касается ее коллег по театру, то им дали по восемь лет. Урусова получила десять лет лагерей.

Театр имени Ермоловой надо было закрывать: ведущие актеры в лагерь, лучшие спектакли с репертуара сняты, публика обходит антисоветское гнездо стороной. Но художественный руководитель театра Хмелев понимал, что театр надо сохранить любой ценой, — он искал новые пьесы, приглашал талантливых молодых.

А в 1939-м было возбуждено дело против самого следователя Шупейко. Его расстреляли. Войдато, Макшеев, Унковский и Лосев не дожидались освобождения — они умерли в лагерях и на пересылках. Оставшиеся в живых вернулись к работе, играли в различных театрах, а Евдокия Георгиевна Урусова долгие годы блистала на сцене своего родного театра. Она и сегодня обаятельна, артистична и, хотя с трудом передвигается, строит планы на будущее, читает пьесы и ищет подходящую роль.

— Мне есть что сказать людям, о чем их предупредить, каким путем посоветовать идти, — говорит она. — Убеждена: чтобы так говорить со зрителями, надо на это иметь право. Мне кажется, что я это право не только заслужила, но и выстрадала всей своей жизнью.

Борис СОПЕЛЬНЯК